

ЛЕОНА ДИКИН

ЛЕОНА ДИКИН

ИГРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д45

Серия «Смертельная угроза»

Leona Deakin

GONE

Перевод с английского *У. Сапциной*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

First published as Mind Games by Transworld Publishers,
a part of the Penguin Random House group of companies.

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Synopsis.

Дикин, Леона.

Д45 Игра : [роман] / Леона Дикин ; [перевод с английского У. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Смертельная угроза).

ISBN 978-5-17-119995-1

Четверо людей бесследно исчезли в свой день рождения. Четверо людей, никак не связанных между собой: женщина-военнослужащая средних лет, мужчина, готовящийся стать отцом, успешный бухгалтер — мать двоих детей и юноша-студент. Единственное, что их объединяет, — полученные ими странные открытки с надписью: «Твой подарок — это игра. Слабо сыграть?»

Полиция не торопится браться за эти дела — какое дело закону до чьих-то странных игр? Но семьи пропавших уверены: все очень и очень серьезно.

Опытный психолог Огаста Блум и ее напарник Маркус Джеймсон берутся за расследование... и очень скоро приходят к шокирующему выводу: возможно, бояться надо не за четверых пропавших, а их самих.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Leona Deakin, 2019

© Перевод. У. Сапцина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Посвящается моим сестрам Элизабет и Джоанн.
Спасибо, что вдохновляете меня писать.*

*Все мы личинки. Но я убежден, что я личинка
светлячка.*

Уинстон Черчилль

*Уснет Природа, и в ночи
Светляк фонарь зажжет.
И позовут его лучи
Сородича в полет.*

Джеймс Монтгомери

Глава 1

Светлые волосы четырнадцатилетней Серафины Уокер ниспадали красивыми локонами. Она носила облегающий школьный джемпер и короткую юбку. С первого же взгляда в ней угадывалось нечто притягательное. Но как и светляки, гипнотическим сиянием привлекающие добычу, Серафина Уокер была совсем не такой, какой казалась.

Трезвонил школьный звонок. Серафина уронила карандаш. Он упал с тихим стуком, разбрызгивая по паркету крошечные капельки крови с острия. Школьный смотритель лежал рядом с карандашом, скорчившись и схватившись руками за шею, вокруг него расплывалась багровая лужа. Он почти наверняка умирал.

Выглядело красиво. Думать об этом — значит проявлять неуважение? Пожалуй. Как и стоять здесь, наблюдая, как с каждым вдохом вспухают и лопаются на его подбородке кровавые пузыри.

Серафина понимала, что должна отвести взгляд. Но не могла. Увлелась. И поразилась внезапному порыву встать на колени, очутиться поближе, посмотреть, какую ранку оставил ее карандаш на коже — ровную или рваную. По логике, вероятнее первое. Она ударила его карандашом быстро и решительно, значит, ранка должна быть аккуратной. Но ей хотелось убедиться. Просто рассмотреть вблизи.

— Серафина? Серафина?..

Через спортзал бежала миссис Браун. Огромный бюст учительницы рисования прыгал вверх-вниз, вверх-вниз, ее вельветовая юбка с шорохом терлась о сапоги. На лице застыло выражение паники и ужаса. Серафина удивилась. Она ожидала возмущения. Перевела взгляд на Клодию, которая всхлипывала, обхватив обеими руками подтянутые к груди колени и уткнув в них трясущуюся голову. Миссис Браун пронеслась мимо нее, не обратив внимания. Клодия подняла голову и зарыдала громче. Ее глаза покраснели, щеки были полосатыми от слез, а выражение лица — странным. Без признаков облегчения.

Серафина хорошо считывала людей. Даже очень. Но ей не всегда удавалось понять их. Почему они плачут? Почему визжат? Почему бегут?

И она наблюдала. Изучала их. Подражала. И дурачила.

Глава 2

С кофе в руке и все еще в пижаме, Лана сидела за маленьким столом на лестничной площадке и, пренебрегая видом северных районов Лондона за окном, не сводила глаз с экрана ноутбука. Она только что прошла в «Фейсбуке» популярный тест «Какой вы кофе?» и теперь откинулась на спинку стула, обхватила кружку обеими руками и ждала, когда загрузятся результаты. Экран был слишком ярким, курсор мигал в такт пульсирующей боли в висках. Более терпеливый человек открыл бы настройки и подкрутил контраст, а Лана просто выдернула вилку из розетки, заставив ноутбук переключиться в энергосберегающий режим и снизить яркость экрана на три пункта.

А вот и результат: «Вы — двойной эспрессо, для большинства чересчур горячий и крепкий». Лане понравилось, как это звучит. Ее дочь выражалась гораздо менее лестно, используя слова вроде «безответственность», «сумасше-

ствие», «хаос». Джейн осудила бы ее за бутылку из-под вина в мусорном ведре на кухне и за водку на тумбочке у кровати. В возрасте Джейн Лана была неразборчивой в связях наркоманкой с минимум тремя приводами за мелкие правонарушения, так что по сравнению с жизнью, которую устроила Лана собственной матери, нетерпимая дочь-зануда — пустяк. Чуток досадно, конечно, но в общем-то ерунда.

Лана поделилась результатами с друзьями в «Фейсбуке» и с подписчиками в «Твиттере». Марж запостила цитату про хорошее, которое случается с хорошими людьми. Еще семнадцать лайкнули ее. Лана отреагировала — стремительно отстучала «скажи это тем 39 посетителям ночного клуба в Стамбуле, которые погибли в перестрелке» и нажала «ввод». Какими все-таки тупыми и жизнерадостными дебилами бывают люди.

В дверь постучали. Лана зашлепала босиком вниз по лестнице, гадая, каким человеком надо быть, чтобы дубасить кулаком в дверь, на которой есть идеально работающий звонок. «Растворимым кофе, в котором молока больше, чем кофе, и два куска сахара», — пришла она к выводу, пока открывала дверь. Там никого не было. Лана осматрелась, ища взглядом открытку из службы доставки или посылку, оставленную на пороге, но не нашла ни того ни другого.

— Глупая мелюзга, — буркнула она под нос и ушла снова ставить чайник.

В кухне она насыпала молотый кофе в кофеварку, залила его водой и ополоснула кружку в раковине. В саду большой черный дрозд силился вытащить из земли свой извивающийся завтрак. На какое-то время показалось, что червяк победит, но птица потопталась на месте, словно в птичьем танце смерти, и — бздынь! — выдернула червяка. Лана обернулась, чтобы достать из холодильника молоко, — тут-то и увидела его.

Этот маленький белый конверт валялся в прихожей на коврик у входной двери. Открывая на стук, она отпихну-

ла его дверью к стене. Лана подошла, подняла конверт и перевернула его. На нем что-то блеснуло. Ее имя, от- тисненное с лицевой стороны серебристыми буквами.

Зазвонил ее телефон. Вынув его из кармана, она взгля- нула на экран.

— Привет, детка, — ответила она сиплым с похмелья голосом.

— Хотела поздравить тебя с днем рождения, — сооб- щила Джейн.

— Ну валяй, — разрешила Лана.

Краткая пауза.

— С днем рождения, мама. Есть планы на сегодня?

Что в переводе означало «только не торчи весь день в пабе».

Вопрос дочери Лана пропустила мимо ушей.

— Эта открытка от тебя? — Снова пауза. — Открытка, которую только что принесли, — уточнила Лана. — Ты ее отправила?

— Какая открытка?

— Проехали. Ты заканчиваешь как обычно? Сходим куда-нибудь выпить чаю?

Джейн что-то сказала в сторону, прикрыв ладонью микрофон, затем снова в трубку:

— Мне пора, мама. Позже увидимся. Хорошего тебе дня.

«Маленькое латте с обезжиренным молоком» — это про Джейн. Ни избытка кофеина, ни жиров: благоразум- ный, скучный кофе. Лана вспомнила про конверт, откры- ла клапан и достала белую открытку. С надписью на ли- цевой стороне: «С первым днем рождения».

Шутка, что ли? Она не поняла.

Лана развернула открытку и прочла внутри:

ТВОЙ ПОДАРОК — ЭТА ИГРА.
СЛАБО СЫГРАТЬ?

Лана улыбнулась.

— Что еще за игра?

В открытку из белого глянцевого картона была вложена длинная полоска папиросной бумаги с URL-адресом и кодом доступа. Лана достала телефон, открыла браузер, ввела адрес и код. Загрузилась чистая белая страница, затем появилась надпись тем же серебристым шрифтом:

ПРИВЕТ, ЛАНА,
Я ДАВНО НАБЛЮДАЮ ЗА ТОБОЙ.
ТЫ ОСОБЕННАЯ.
НО ТЫ И САМА УЖЕ ЗНАЕШЬ, ВЕРНО?
ВОПРОС ВОТ В ЧЕМ...

Лана прокрутила страницу вниз.

ГОТОВА ЛИ ТЫ ДОКАЗАТЬ ЭТО?

Ниже обнаружилась большая красная кнопка с единственным словом «ИГРАТЬ». Потом появилась еще одна фраза. Она бежала по экрану справа налево, повторяясь вновь и вновь.

Я БРОСАЮ ТЕБЕ ВЫЗОВ.

Как все предыдущие и все последующие игроки, Лана нажала кнопку. Страх она не чувствовала. И не остановилась, чтобы задуматься о последствиях или загадочной открытке. Ей просто хотелось поскорее узнать, что будет дальше.

Глава 3

Серафина сидела в маленькой комнате без окон в полицейском участке и размышляла, убедительно ли звучат ее ответы, нормальны ли они. Она понятия не

имела, как рассказывал бы о таком обычный человек. И полагалась на полицейские сериалы, книги и собственную фантазию.

— Итак, расскажи нам еще раз, Серафина: как ты очутилась сегодня утром в спортзале?

Констебль Кэролайн Уоткинс задавала этот вопрос уже дважды. Голос у нее был высокий, девчоночий. Темные волосы собраны в аккуратный узел на затылке. Красилась она сильно, но безупречно, и с каждым повтором вопроса у нее дергался левый глаз.

Серафина пожала плечами.

— Нам просто было скучно, — уже в третий раз сказала она.

— И как ты уже говорила, школьный смотритель Даррен Шоу последовал за тобой и Клодией Фримен?

Серафина кивнула.

Уоткинс многозначительно склонила голову в сторону записывающей аппаратуры.

— Да, — произнесла Серафина.

— А карандаш?

— Он лежал у меня в кармане.

Уоткинс смотрела Серафине в глаза.

— А, ну да, — согласилась она. — После урока рисования, — еле заметная улыбка тронула ее губы.

— Нет, — поправила Серафина. — ТП. Технологии проектирования.

— Конечно же. Я ошиблась. — Констебль Уоткинс сделала вид, будто что-то исправила в своих записях. — Итак, мистер Шоу подошел к Клодии в спортзале. Ты сказала, что она попала. Что ты имела в виду?

Ее глаз снова дернулся.

Серафина в точности повторила свой прежний ответ:

— Он схватил ее сзади за шею и полез рукой ей под джемпер.

— И ты уверена, что эти действия не были консенсуальными?

Серафина помедлила немного, прикидывая, что могла бы сказать эта сучка Клодия. Они дружили, но Серафина знала, что Клодию раздражает популярность подруги. Насколько далеко зашла Клодия, чтобы подгадить ей?

— Ты уверена, что он принуждал Клодию и действовал вопреки ее желанию? — спросила Уоткинс.

— Ей пятнадцать, — ответила Серафина, оскорбленная тем, что ей попытались растолковать значение слова «консенсуальный».

Щеки Уоткинс вспыхнули.

Мать Серафины, которая до этого сидела молча, как велено — она такая послушная рохля, — теперь подала голос.

— На что это вы намекаете? — спросила она и опустила руки, которые до тех пор держала скрещенными на груди. — У нас приличная семья. Моя дочь и мухи не обидит. Этот человек напугал ее, она просто защищалась.

— Это так, Серафина? Ты испугалась? — спросила Уоткинс.

— Да.

— Он отпустил Клодию и напал на тебя?

— Да.

— И ты накинулась на него с карандашом — по твоим словам, в надежде оцарапать его?

— Да, — ограничилась кратким ответом Серафина.

Уоткинс смотрела ей в глаза.

Она не верит мне, думала Серафина. Потупившись и ссутулив плечи, она съежилась на своем стуле и принялась ковырять кожу вокруг ногтей. Мне четырнадцать лет, я напугана. Я никому не хотела причинять вреда. Просто пыталась помочь подруге, и вот теперь меня допрашивают.

На миг ее встревожила мысль, что ничего у нее не выйдет. Может, поза не та или выражение лица не такое, как надо. Полицейских ведь учат распознавать обман.

Но Уоткинс собрала свои бумаги.

— Ладно, пока достаточно. Сделаем перерыв, констебль Феликс проводит вас в столовую. — Уоткинс продолжала, обращаясь к матери Серафины: — Надо что-нибудь съесть — это поможет справиться с шоком. — И когда снова посмотрела на Серафину, ее улыбка заметно потеплела: — А потом мы еще поговорим.

Серафина кивнула. *Я беззащитная девчонка-подросток, у меня шок. Я беззащитная девчонка-подросток, у меня шок.* Как она уже выяснила, мысленно повторять эти слова полезно.

Уоткинс встала и вышла. Серафина расслабилась. Задачка оказалась раз плюнуть.

Глава 4

Секундная стрелка больших часов в приемной мелкими прыжками продвигалась к девяти. Выпрямившись в кресле, доктор Огаста Блум наблюдала за стрелкой с чувством, будто каждый короткий скачок отражает ее тревоги, все то, что могло помешать ей сосредотачивать внимание на собеседнике на протяжении целого часа. Она знала, что ей предстоит непростой сеанс. Она читала протоколы и знала, чего ожидать. Жертва, которой была нанесена психологическая травма, прибегла с целью самозащиты к непредумышленным, но жестоким действиям.

Тик.

Тик.

Четырнадцать лет. В четырнадцать лет еще положено одной ногой оставаться в детстве. Наивность мало-помалу улетучивается: сначала исчезают Санта и зубная фея, затем приходит понимание, что и у родителей есть недостатки, потом — что люди бывают эгоистичными, и наконец — что сам мир порой невыносимо жесток. Из детства надо выпутываться постепенно, чтобы разум успел адаптироваться. Если грубо срывать его покровы разом, от них

остаются следы отрицания, гнева и, в конечном итоге, отчаяния.

Блум была не в силах повернуть время вспять и устранить травму. Но она могла попытаться сделать так, чтобы в детском разуме прибавилось света, и слегка уменьшить масштабы бедствия.

Серафина помедлила в дверях небольшой комнаты, оценивая доктора Блум. Она сидела в кресле с высокой спинкой и деревянными подлокотниками — короткая стрижка, волосы оттенка овсянки, черные брюки, зеленый джемпер с треугольным вырезом. Вид эlegantный и опрятный. На ногах — черные туфли без каблуков; мать Серафины назвала бы их практичными. Ноги психолога едва доставали до пола.

Коротышка, как я, подумала Серафина. Это может оказаться кстати.

— Привет, Серафина, — сказала доктор Блум. — Пройди и садись. — Руки она держала сложенными на коленях, на маленькой черной книжке. Дождавшись, когда Серафина сядет, она продолжила: — Как ты себя чувствуешь сегодня?

Серафина поморгала.

— Ничего, — сказала она. Осторожный ответ.

— Ничего, — повторила доктор Блум. — Ты знаешь, почему твоя мама попросила меня побеседовать с тобой?

— Из-за зрителя.

Доктор Блум кивнула.

— Ты знаешь, что я психолог? — Когда Серафина подтвердила, что это ей известно, доктор Блум добавила: — Я работаю с молодыми людьми, которых обвиняют в совершении преступления.

— Значит, вы работаете на полицию?

— Иногда. Хотя преимущественно я сотрудничаю с адвокатами и их клиентами или работаю с группами молодых совершеннолетних преступников, обычно в ходе под-